

С.Ю. Рыков

ИФ РАН

**«Символы и числа»
Владимира Евстигнеевича Еремеева**

Выдержавшая два издания (М., 2002, 2005) монография «Символы и числа „Книги перемен“» стала главным вкладом В.Е. Еремеева в изучение основополагающего феномена духовной культуры традиционного и даже современного Китая, который вот уже больше века пленяет умы и зарубежных и отечественных синологов, – «учения о символах и числах» (*сян шу чжи сюэ*). В этой, по глубине рассмотрения – фундаментальной, а по охвату тем – энциклопедической, книге автор проявляет себя не только как профессиональный синолог, скрупулёзнейшим образом анализирующий запутанные китайские философемы, но и как настоящий философ, выстраивающий оригинальную историко-философскую концепцию.

В работе содержится критика, уточнения и дополнения концепций, переводов, таблиц и графических построений известных зарубежных и отечественных синологов – М. Гране, Дж. Нидэма, Ю.К. Щуцкого, Л.С. Васильева, В.С. Спирина, А.М. Карапетьянца, А.И. Кобзева и др. Так, например, в известном споре отечественных китаеведов о том, какой термин лучше соответствует сути «учения о символах и числах» автор критикует А.М. Карапетьянца, отмечая, что, несмотря на отделение им «учения о символах и числах» как феномена *си тун* («числовой системологии», подлинного развивающегося с неолита до ханьского времени метанаучного аппарата китайской духовной культуры, альтернативного метаязыку европейской классической науки) от собственно *сян шу чжи сюэ* («нумерологии», по мысли А.М. Карапетьянца псевдонаучной игры с числами, появившейся в эпоху Хань), он пользуется всеми теми же символами, понятиями, а главное, источниками, которые относятся к *сян шу чжи сюэ* (с. 7 – здесь и далее ссылки на изд. 2005 г.). Поэтому В.Е. Еремеев предпочитает придерживаться классического и используемого А.И. Кобзевым перевода этого китайского словосочетания как «нумерологии», хотя признаёт, что все современные терминологические эквиваленты и буквальные переводы (соответственно и вкладываемые в них интерпретации) в значительной степени условны.

© Рыков С.Ю., 2012

Также он дополняет и/или уточняет в своей книге перевод и схематизацию некоторых «нумерологических» философем и методологем, описанных ранее А.И. Кобзевым.

Впрочем, сам В.Е. Еремеев в личных беседах никогда не придавал большого значения своим критическим замечаниям в сторону других синологов. Гораздо более важным считал он то *новое*, что прибавил к самому осмыслению феномена «нумерологии».

Первое новшество его историко-философской концепции состоит в следующем. Обычно исследователи считают, что «нумерология» развивалась из неких неотрефлексированных полумифологических представлений мантического характера эпох Шан-Инь и Западной Чжоу, постепенно, во время Восточной Чжоу в период Чжань-го частично обретая теоретичность и эксплицитность, присущую подлинной методологии, а в дальнейшем, в средневековой китайской философии достигает разработанности и всеохватности подлинной методологии китайской духовной культуры в целом. В.Е. Еремеев же попытался показать, что «нумерология», складывавшаяся от периода Чжань-го и до своего расцвета в неоконфуцианстве эпохи Сун, на самом деле была *несовершенной частью* «неизвестного ранее древнего учения, которое <...> носило характер вполне рационального мировоззренческого и методологического комплекса, обслуживавшего религиозную, социально-политическую и научную деятельность древних китайцев, и содержало в себе теорию самосовершенствования, подобную до некоторой степени древнеиндийской йоге» (с. 5). Это древнее «учение о знаковых системах с арифметическим (математическим) компонентом» (с. 8), которое переключается с возникшей в Европе в XVII в. концепцией «универсальной знаковой системы» «философского языка», в своих отдельных проявлениях вполне соответствующее науке и даже могущее многое дать современности, В.Е. Еремеев называет древнекитайским *Mathesis Universalis*, или «арифмосемиотикой» (с. 10). Но в эпоху Хань это «древнее» учение было порядком подзабыто и китайским философам приходилось его серьёзно переосмысливать, привнося и чуждые ему элементы, в результате чего возникло то, что современные и традиционные китайские учёные называют *сян шу чжи сюэ* (с. 10).

В.Е. Еремеев предпринял оригинальную попытку реконструировать «арифмосемиотику» как *протонумерологию*, которая бытовала в *разработанной, отрефлексированной, теоретически осмысленной форме* в среде китайских интеллектуалов *уже намного раньше* периода Чжань-го, складываясь примерно в XIII в. до н.э. (с. 464), а к эпохе Западной Чжоу существуя «на уровне элитарного умения, поддерживаемого администрацией при дворе вана» (с. 465), смысл и содержание которой со временем *не развивались, а наоборот, затемнялись*, что привело к возникновению «нумерологии» в её реальном историческом виде (например, уже в неоконфуцианстве): «<...> учение начинает приходить в упадок так быстро, что ко времени Конфуция уже практически никто в Китае не знает его первичных положений. Благодаря деятельности Конфуция и других мыслителей <...> на осколках величественного ранее учения создаются его упрощённые во

многих отношениях и уступающие по целостности модификации, на долгие века определившие традиционные формы мировоззрения» (с. 465). «Нумерология» *оказывается не высшей стадией развития «арифмосемиотики», но её вырождением.* Или, если перефразировать, вопреки сложившимся синологическим стереотипам, «нумерология» на протяжении своей истории *не развивалась, а скорее деградировала.*

Вторая особенность историко-философской концепции В.Е. Еремеева в его собственно формулировке сводится к следующему: «Так сложилось, что востоковеды, занимавшиеся вопросами контактов Поднебесной с другими странами, по большей своей части выстраивали концепции происходившего в разное время духовного воздействия на китайскую цивилизацию месопотамской, иранской и индийской культур. В некоторых случаях этот факт очевиден. <...> В других случаях воздействия только угадываются на основании схожести идей тех или иных сопоставляемых учений. *Сама гипотеза воздействия при этом выстраивается, исходя из мнения, что за пределами Китая эти идеи появились раньше.* Исследования, предпринятые в монографии, привели к смещению хронологических рамок в представлении о времени зарождения китайской арифмосемиотики. Это заставляет по-новому взглянуть на проблему духовных контактов древнего Китая с другими культурами. <...> Достаточное количество тех или иных аналогий между арифмосемиотикой и философско-научными и религиозными представлениями иранцев, греков и индийцев рассматривалось в предыдущих книгах автора. Эти представления, как теперь выясняется, не только фиксируются исторически позже арифмосемиотики, но и менее структурированы и во многих случаях оказываются беднее по содержанию. *Поэтому остаётся сделать вывод, что они прямо или косвенно являются производными от арифмосемиотики* (курсив мой. – С.Р.)» (с. 465–466).

В.Е. Еремеев *перевернул* и второй синологический стереотип – не китайская «нумерология» складывалась под влиянием духовной мысли других культур, а, *наоборот, смежные культуры и через них более дальние с искажениями заимствовали идеи из глубин древнекитайской мысли.* Он выдвинул гипотезу, противоположную идее Л.С. Васильева – не Иран повлиял на Китай, а, напротив, китайские арифмосемиотические представления стимулировали зарождение зороастрийского учения (с. 467). Через контакты с иранской культурой китайская арифмосемиотика оставила след и в греческой мысли (парадоксально, замечает автор, но наиболее яркое свидетельство сохранилось в трудах Аристотеля, который не желал иметь ничего общего с восточной мудростью) (с. 477). Можно также предположить, что арифмосемиотика повлияла и на учение, к которому, по преданию, генетически восходит вся пестрота теоретической мысли древней Индии – санкхью (с. 488–492). Более того, подобный подход, подчёркивал В.Е. Еремеев, позволяет дополнить концепцию «осевого времени» К. Ясперса: почти одновременное зарождение на Западе, в Индии и Китае основополагающих религиозно-философских течений и идей можно легко объяснить, если проследить

влияние на индийскую и зороастрийскую мысль (в свою очередь повлиявшую на древнееврейскую и древнегреческую) китайской, которая была полностью сформирована ещё до «осевого времени». Трансляция же арифмосемиотических идей из Китая могла произойти при посредничестве кочевых племен *цюань-жунов*, разрушивших Западное Чжоу и двинувшихся на Запад: «Со временем отдельные представления арифмосемиотики распространились через посреднические кочевые племена на запад до тех мест, где проживал Заратуштра и где они стали частью эзотерических знаний иранского жречества. Совершённая жрецом-еретиком Заратуштрой религиозная реформа <...> вывела на поверхность идею новой доктрины, вызвав <...> распространяющееся на соседние народы духовное брожение. Всё это оказало поворотное влияние на историю человечества, которое и фиксируется в концепции „осевого времени“» (с. 494).

Конечно, можно не соглашаться с некоторыми или со многими идеями В.Е. Еремеева, но нельзя сомневаться в том, что его работа «Символы и числа „Книги перемен“» – яркое явление в современной российской синологии, которое ни один подлинный китаист не может игнорировать.